

«АРХИВНЫЙ РУДОКОП»

(Фонд П. И. Бартенева)

Обзор А. Д. Зайцева

ЦГАЛИ, фонд № 46...

Этот шифр архивного фонда очень часто мелькает в комментариях, в научных работах, в книгах и статьях по истории русской литературы XVIII—XIX веков, истории декабристов, истории русско-славянских связей, внутренней и внешней политики России XVIII—XIX веков. Всякий фонд, хранящийся в ЦГАЛИ, кроме присвоенного ему номера, имеет также свое название, являющееся как бы визитной карточкой, самым общим предварительным указанием на то, что в нем можно найти, 46-й номер присвоен фонду Петра Ивановича Бартенева.

Петр Иванович Бартенев (1829—1912) принадлежал к той категории людей, чья разносторонняя научно-литературная деятельность являлась как бы фокусом, в котором сконцентрировались люди и события современной ему эпохи. Историк, архивист и археограф, издатель и переводчик — вот далеко не полный перечень тех областей научной деятельности, в которых проявил себя этот человек. Но в первую очередь имя Бартенева связано с издаваемым им на протяжении длительного времени журналом «Русский архив». Бартенев и «Русский архив» становятся синонимами для современников. Историк В. О. Ключевский высказался так: «Гордый или самолюбивый человек и историк — не совместимые в одном лице понятия: это музыкант без слуха, мыслитель без головы, Бартенев без «Русского архива» (В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли. М., 1968, с. 335). Современники в своих воспоминаниях сохранили для нас живой портрет Бартенева, во всяком случае, те его черты и те стороны его деятельности, которые

привлекали к себе наибольшее внимание и особенно запоминались.

Писатель Е. Н. Опочинин в своих воспоминаниях о председателе Археографической комиссии историке С. Д. Шереметеве и о собиравшемся у него кружке русских историков оставил нам следующее изображение Бартенева: «...известный издатель «Русского архива» Петр Иванович Бартенев, человек умный и очень хитрый, что называется, «себе на уме». В кружке Шереметева его называли полушутя «фернейским философом», желая сблизить с Вольтером и намекая этим, вероятно, на едкую и злобную остроту его ума. Его немного все побаивались, но очень уважали. Петр Иванович являлся уже профессионалом в деле передачи воспоминаний. О, боги! Кого и чего он не помнил и не знал! Мало того, что его личные воспоминания обнимали порядочный промежуток времени, он сохранял в своей необычайной памяти рассказы давно отошедших людей о временах и людях еще более далеких и охотно делился этим богатством, причем передача его отличалась необыкновенной точностью и искусством. Эти вечера с Бартеневым мне особенно памяты. Много я почерпнул из его рассказов о Н. В. Гоголе, С. Т. Аксакове, Ю. Ф. Самарине и даже о Пушкине. П[етр] И[ванович] сам по себе, по своей натуре, был человек, не подходивший ни к одному из кругов петербургского общества. Он казался мне старым просвещенным москвичом давнего времени. Он понимал и высоко ценил своеобразную красоту всего истинно народного и находил ее и в песне, и в сказке, и в былине, и в лубке, и в грубой лицевой рукописи, и в топорной резьбе самоучки-скульптора — одним словом, всюду, где она проявлялась, но обычно мало кем бывала замечена. Он умел видеть исторически сложившийся размах народной жизни, умел понимать ее бытовые особенности и уклоны...» (ф. 361, оп. 1, д. 10, лл. 41—42). Дадим слово другому современнику Бартенева, историку М. К. Соколовскому, который в своих воспоминаниях писал: «Петр Иванович Бартенев с неотделимым от него «Русским архивом» — это что-то напоминающее блаженные времена тишайшего царя Алексея Михайловича и отдающее ладаном, въездом на осляти, богомазом Рублевым... Бартенев был, по своей работе, типичный москвич семидесятых годов с ее широкой масленицей, с колокольным звоном сорока сороков, с молебнами у Ивер-

ской иконы, с тупиками и проездами, с калачными и обжорными рядами, со стаями ворон на колокольнях. Все густорусское, махворусское — вот фон воззрений Бартенева» (ф. 442, оп. 1, д. 6, лл. 1,3).

Родился Бартенева в селе Королевщина Тамбовской губернии, в небогатой дворянской семье отставного подполковника Арзамасского конно-егерского полка И. О. Бартенева, и по матери, урожденной А. П. Бурцевой, приходился племянником знаменитому гусару «ере, забияке» Бурцеву, воспетому Денисом Давыдовым. Одно из первых глубоких впечатлений детства для Бартенева было, по его словам, получение в семье известия о смерти Пушкина. Видимо, это событие явилось очень значительным и для провинциальной дворянской семьи Бартенева. С 1841 по 1847 год Бартенева обучался в рязанской гимназии, где младшим его товарищем по учебе был Д. И. Иловайский, будущий историк и автор известных учебников по истории России. После окончания рязанской гимназии Бартенева перебирается в Москву и поступает на историко-филологический факультет Московского университета, где слушает лекции Т. Н. Грановского, М. П. Погодина, С. М. Соловьева, С. П. Шевырева... Более того, у молодого, интересующегося наукой студента устанавливаются и личные контакты с ними. Окончив в 1851 году университет, Бартенева по рекомендации профессора К. А. Косовича и М. П. Погодина становится учителем детей Л. Д. Шевич, урожденной графини Блудовой. В это время он знакомится с графом Д. Н. Блудовым, бывшим правителем дел следственной комиссии по делу о декабристах, крупным сановником николаевской эпохи, общение с которым, как впоследствии говорил сам Бартенева, оказало на него большое влияние.

С начала 1850-х годов Бартенева становится известен в литературной среде хорошим знанием истории и языков, своим трудолюбием. Так, именно его рекомендовал постоянно вращавшийся в литературных кругах своего времени московский почт-директор А. Я. Булгаков в секретари самому В. А. Жуковскому. В 1853 году во время поездки Погодина за границу Бартенева было доверено заведование изданием журнала «Москвитянин», а через четыре года и «Русской беседой». В «Русской беседе» Бартенева поместил свои первые исторические работы — биографии видных государственных деятелей Екатери-

нинской эпохи И. И. Шувалова и А. Я. Моркова. К этому времени относится знакомство Бартенева с друзьями Пушкина — С. Д. Полторацким, С. А. Соболевским, П. В. Нащокиным, которые делились с ним воспоминаниями о поэте и положили начало знаменитой впоследствии бартеневской коллекции пушкинских материалов. В дневнике Бартенева от 2 января 1855 года есть такая запись о С. А. Соболевском, особенно поддерживавшем первые работы молодого литератора: «Соболевский никогда не унижится в глазах моих, несмотря на все толки о нем, несмотря на то, что в самом деле иногда он бывает несносен своей грубостью, чванством и материальным индифферентизмом. Для меня он все-таки добрый человек, всегда готовый подать руку помощи всякому, а многосторонняя его начитанность, его путешествия и знакомства придают всегдашнюю занимательность его беседе» (ф. 46, оп. 1, д. 5, л. 38). Круг знакомых Бартенева постепенно расширяется, и в него входят московские славянофилы: Аксаковы, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин. Об И. С. Аксакове Бартенева писал своей жене, С. Д. Бартеновой, 14 августа 1859 года, что это «один из лучших людей в России, и если позволительно гордиться чьей бы то ни было дружбою, то, конечно, его» (там же, оп. 9, д. 9, л. 9 об.). Об отношении Бартенева к другому виднейшему деятелю славянофильства вспоминает С. С. Сидорова-Бартенева (внучка Бартенева): «Надо сказать, что Алексей Степанович Хомяков первый подал деду мысль издавать исторический журнал... Этого доброго совета Алексея Степ[ановича] Х[омякова] дед никогда не забывал и всю жизнь хранил к нему в сердце глубочайшую благодарность и уважение, смешанное с нежностью. Много раз слышала я это от деда» (там же, оп. 8, д. 61, л. 8). Много лет спустя Бартенева напишет в своей краткой автобиографии: «Сближение с Хомяковым, братьями Киреевскими, Елагиными и семьей Аксаковых почитаю счастьем своей литературной и общественной жизни» (С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь, т. 2. Спб., 1891, с. 195). Несмотря на то что Бартенева никогда сам не называл себя славянофилом, его взгляды развивались в русле славянофильской идеологии. Отмечая этот факт, В. В. Розанов в заметке «Старые русские кряжи» писал: «В. Я. Брюсов издал небольшую книжку воспоминаний «За моим окном», посвященную рассказу о личных впечатлениях от Толстого, Врубеля,

Верхарна и П. И. Бартенева. Лучшая часть книжки — воспоминания о последнем издателе и «составителе» «Русского архива», друге князя Вяземского, друге славянофилов... Да и сам Бартенева, конечно, был славянофилом *в действии, в исполнении*. Он не теоретизировал, а делал славянофильство...» (ф. 419, оп. 1, д. 176, л. 14).

В середине 1850-х годов мы видим Петра Ивановича в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Работа в этом хранилище богатейших документальных материалов по истории России способствовала дальнейшему развитию у Бартенева интереса к архивным разысканиям.

Кстати, об архивах в России этого времени мы находим любопытные упоминания в письмах корреспондентов Бартенева. Они рисуют, быть может, очень отрывочную и далеко не полную картину архивных дел того далекого времени, но вместе с тем представляют для нас безусловный интерес. Итак, русские государственные архивы второй половины XIX века глазами современников. 16 ноября 1865 года историк П. П. Пекарский писал Бартенева о директоре Московского главного архива Министерства иностранных дел: «Кн. Оболенского действительно здесь подозревают, что он слабо смотрит за архивом, хотя это несправедливо и вышло из одной сплетни, о которой когда-нибудь сообщу Вам лично. Вообще у нас теперь стали ревниво следить за архивами, и уже на все распространяют индекс без разбора, что стоит и что не стоит того. Это, разумеется, происходит от совершенного незнания истории и ее требований» (ф. 46, оп. 1, д. 559, л. 436 об.). Обрисовывая состояние московских архивов, историк М. Д. Хмыров писал 6 декабря 1870 года историку литературы П. А. Ефремову: «По части архивной, апатия чинов, несмотря на министерские предписания из Питера, — неодолимая. Чины эти, большею частью, не смыслят в деле ни уха, ни рыла, не знают даже — что у них и чего нет. Об описях — и говорить нечего. Извольте сами отыскивать, что вам угодно, в десятках тысяч фолиантов...» (ф. 191, оп. 1, д. 409, л. 20 об.). 22 ноября 1874 года Бартенева писал С. Д. Шереметеву, как бы мы теперь сказали, о «режиме хранения документов», упоминая о крупнейшем русском историке — С. М. Соловьеве: «В то время как частные люди

стали у нас заниматься своими старинными бумагами, государственное наше архивное богатство, Москов[ский] главный архив Мин[истерства] ин[остранных] дел, в новом своем великолепном помещении на Воздвиженке, подвергается страшной опасности, именно гниению. Там уже не только сырость, но в помещении рукописей — туман от сырости. Обои уже гнили. Соловьев острит, утверждая, что последний том его истории никак не может быть *сух*, так как он работал над ним в архиве» (ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 74, л. 21).

В 1858 году, оставив службу, Барте́нев уезжает за границу. Причиной этой поездки явилось желание пополнить свое образование в университетах и библиотеках Западной Европы. Ко времени этой поездки относится одна из загадочных историй в жизни Барте́нева. Как известно, в конце 1858 года А. И. Герценом были опубликованы «Записки Екатерины II», вскоре переведенные на многие иностранные языки и имевшие большой успех у европейских читателей, а тем более у русских. «Записки» раскрывали самые сокровенные тайны царствующей в России династии. Царское правительство посылало специальных агентов, которые скупали экземпляры изданий этих «Записок». Особенно же, конечно, интересовал петербургские правительственные круги вопрос о том, кто тот человек, который передал в руки «лондонских агитаторов» рукопись «Записок». Ответ на этот вопрос в то время получен не был. Но сейчас на него можно дать ответ. Недавно в семейном архиве Елагиных были обнаружены письма А. П. Елагиной к сыну В. А. Елагину за 1858 год, в которых сообщается, что по просьбе Барте́нева она делает копию с «Записок Екатерины II» и что Барте́нев уезжает за границу. А у Герцена оказалась как раз копия, сделанная рукой А. П. Елагиной, по-видимому, с какого-то рукописного списка, может быть, со списка, принадлежавшего А. И. Тургеневу. (Н. А. Рабкина. Как «Записки Екатерины II» попали к А. И. Герцену. — «Вопросы истории», 1979, № 6). Кстати, можно привести новые архивные данные, свидетельствующие об отношении Барте́нева к Герцену и его деятельности, о знакомстве с издаваемой Герценом литературой и оценкой ее Барте́невым.

О знакомстве Барте́нева с изданиями Герцена еще до поездки за границу, в 1856 году, говорит письмо журналиста Н. Н. Луженовского, который писал Барте́неву:

«Помните, в субботу, у Смирновы Вы говорили, что некто из знакомых Вашего знакомца — Полторацкого нашел сверток с книгами Искандера и не знает, что с ними делать. Около месяца тому назад обронил один из моих знакомых — Петр Васильевич Псомос сверток, в котором были: I том «Пол[ярной] звезды», 3 книжки «Голосов из России» и 1 № «Колокола» (ф. 46, оп. 1, д. 554, л. 282). Находясь уже в Европе, но еще до встречи с Герценом, Бартенев писал из Остенде П. А. Плетневу 2 августа 1858 года: «Колокол» и другие лондонские издания, рассеянные здесь по всем ресторациям и кофейням, конечно, не представляют отрадного чтения и только раздражают и волнуют» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 47, л. 14). На первый взгляд кажется, что автор подобного высказывания не мог везти «Записки Екатерины II» издателем, которых он так неслестно характеризует. Но, во-первых, не была ли эта фраза написана сознательно для жандармских перлюстраторов? Во-вторых, нельзя ли понимать эту фразу в том смысле, что в путешествии у Бартенева не было художественной литературы для «отрадного чтения» и он вынужден был читать только злободневные, резко полемические издания русской эмиграции, которые «раздражают и волнуют». Именно — «волнуют». Бартенев два раза был в Лондоне в 1858 году — в августе и ноябре — и встречался с Герценом, который подарил ему на память одну книгу. Вот что пишет об этой книге Бартеневу А. В. Станкевич, бывший заведующий так называемой Чертковской библиотекой в феврале 1907 года: «Вы интересовались, помнится, Вашею пометою на экземпляре книги (подлинника) Рейт[енфель]са из Чертковской библиотеки. Привожу ее целиком: «Сочинение Якова Рейтенфельса». «Подарена мне в Лондоне в 1858 А. И. Г-ом, которому книгопродавец Трюбнер поднес эту книжку как большую редкость. П. Б.» (ф. 46, оп. 1, д. 599, л. 45 и об.).

Встречи с Герценом оказали определенное влияние на Бартенева. Так, уже возвратясь в Россию из поездки по Европе, Бартенев писал 2 января 1859 года П. А. Плетневу: «Если хочешь любить Россию разумно, то это возможно только в прошедшем, как делают многие друзья мои, или в будущем, как Герцен» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, ед. хр. 47). Кстати, в библиотеке Бартенева имелись многие выходившие в Лондоне издания. В середине 1860-х годов Ф. В. Чижов, финансовый деятель и публицист

славянофильского толка, писал Бартеневу: «...у меня Ваш «Колокол», именно тот №, в котором была статья об живописце Иванове, а не «Полярная звезда»... Все возвращаю вам с благодарностию...» (ф. 46, оп. 1, д. 558, л. 50).

Бартенеv не мог не откликнуться на известие о смерти А. И. Герцена в 1870 году. Видимо, им было предложено некоторым своим знакомым написать воспоминания о Герцене. Так, уже в середине января А. О. Смирнова, писательница-мемуаристка, писала Бартенеvu: «Весьма интересно и хорошо написала статью о Герцене, хотя я признаю, что он был безнравственный и злой человек, как всякий материалист» (там же, д. 562, л. 6). Бартенеv по каким-то соображениям отклонил публикацию этой статьи и обратился с просьбой о написании статьи к Погодину, у того работа над статьей шла медленно, что-то ему не давалось, и, имея это в виду, Бартенеv писал Погодину 22 января: «Если Вам не пишется о Герцене, то не трудитесь: я ограничусь двумя словами от себя и перепечаткою одного отрывка из «Былое и думы». Если же не брошено намерение, то, разумеется, много одолжите» (ф. 373, оп. 1, д. 73, л. 12). Уже в этом письме проявляется определенное равнодушие Бартенева к статье Погодина. Через несколько дней Погодин писал: «Статья о Герцене вышла большая... Записка ваша сказала мне, что вам она и не очень нужна. Так я пошлю ее в «Зарю» (ф. 46, оп. 1, д. 562, л. 10). Это известие, по-видимому, не расстроило редактора, поскольку у него был другой план, и он ответил Погодину: «Что же делать, «Заря» переняла; а у меня будет напечатана статья Свербеева, написанная в Париже. Он виделся с Гер[ценом] перед его смертью. Примите мою душевную благодарность за написание статьи и обязательную готовность. Стало быть, я прочту ее в «Заре» (ф. 373, оп. 1, д. 73, л. 13).

Итак, Бартенеv решил опубликовать воспоминания Д. Н. Свербеева о Герцене. И снова он колеблется: печатать ли что-нибудь из «Былого и дум». Наконец Бартенеv после долгих колебаний публикует воспоминания Свербеева о Герцене без каких бы то ни было извлечений из «Былого и дум». Что же говорится в опубликованных Бартеневым воспоминаниях Свербеева? Прежде всего, конечно, то, что автор никогда не признавал «теорий» Герцена. Но, «что бы ни говорили, — пишет Д. Н.

Свербеев-мемуарист, — я никогда не хотел верить и не верю теперь тем тяжелым обвинениям, которые распространились на его счет в нашем обществе и нашей печати. Я решительно отвергаю теперь, что добрый по сердцу Герцен способен был поощрять какие-либо темные личности или какие-нибудь массы на зажигательства и убийства» («Русский архив», 1870, кн. 2, с. 679—680).

Таковы новые архивные свидетельства, дополняющие историю отношений Бартенева к Герцену.

Возвратившись из поездки по Европе в 1859 году, Бартнев становится заведующим Чертковской библиотекой — богатейшим книжным и рукописным собранием по истории, археологии, этнографии, принадлежавшим историку А. Д. Черткову, а затем его сыну.

К этому времени относится знакомство Бартенева с Л. Н. Толстым, часто бывавшим в Чертковской библиотеке.

Хотя тема «Толстой и Бартнев» освещена в исследованиях и публикациях — опубликована их переписка и письма разных корреспондентов Бартневу с высказываниями о Толстом и его творчестве, — все-таки этот комплекс опубликованных данных можно дополнить новыми архивными материалами, расширяющими наше представление о его сотрудничестве с Толстым. Хорошее знание Бартневым исторических источников и литературы послужило причиной того, что именно к нему обратился Толстой с предложением стать редактором и историческим консультантом в его работе над романом «Война и мир» (см.: Н. Н. Апостолов. Л. Н. Толстой и П. И. Бартнев. — В сб. «Толстой. Памятники жизни и творчества». Вып. II. М., 1920). В письме от 18 декабря 1867 года к П. А. Вяземскому Бартнев так объяснял свое участие в издании романа: «Вчера я послал Вашему сиятельству три части романа Толстого — *первый* экземпляр, который прошу принять от меня как святочное приношение. Мое участие тут только печатание (отнюдь не денежная часть), так как сочинителя нет в Москве, и надзор, чтобы не было слишком явных исторических неверностей. Это опять больше психологический роман» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 70). Подробнее об этом Бартнев писал 7 января 1868 года историку Н. П. Барсукову: «Откуда эти рассказы, будто я купил

роман Толстого? Скажи Муханову, что это сущий вздор. Толстой только поручил мне печатание в том расчете, что я не пропущу исторических несообразностей; равно Чертков позволил ему сложить книгу у себя в библиотеке. Что же я получу за свой труд, это бог весть; тем более что автор, вопреки всем моим уговорам, живя у себя в Тульс[кой] деревне и вследствие того горячась воображением, назначил сумасшедшую цену. Я попробую выпросить себе несколько экз[емпляров]. И тогда пришлю тебе» (ф. 87, оп. 1, д. 65, л. 390).

Отвечая Барсукову о реальных прототипах романа, Бартенев писал 1 февраля 1868 года: «В «Войне и мире» действительные лица только стар[ый] князь Волконский (сосланный Павлом в Архангельск) — дед автора, княжна Марья — мать автора, молодой гр[аф] Ростов — его отец и старик Ростов — его дед; Денисов — Денис Давыдов и Долохов; все остальное вымысел, по словам гр[афа] Толстого, кото[рый] говорит, что ему не хотелось выдумывать разных Пронских и Звонских, а лучше захотелось взять общеизвестные, но прикрытые фамилии» (там же, л. 406 и об.).

Роман Толстого вызвал полемику в печати. Появились статьи А. С. Норова, П. А. Вяземского и ответная — Толстого. Эти события нашли свое отражение и в письмах Бартенева Вяземскому. 19 ноября 1868 года он писал: «От статьи Норова не поздоровится графу Толстому (забравшемуся в деревню и не подвигающему 5-го тома, хотя книгопродавец Соловьев уже выпустил 2-е издание первых четырех томов)» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 71). 27 февраля 1869 года Бартенев писал Вяземскому: «Приехавший сюда граф Лев Толстой действительно отыскал в книге «Воспоминания очевидца о Москве 1812 г.» (М., 1862) рассказ о том, как император Александр Павлович раздавал на балконе Кремлевского дворца *фрукты* теснившемуся народу. На основании этой находки своей он написал возражение на Ваши строки об его книге, 5-й том которой вчера наконец свалился долой с корректурных рук моих» (там же, л. 92). Перед помещением в «Русском архиве» статьи Толстого Бартенев пишет Вяземскому 2 марта 1869 года: «Гр[аф] Толстой настаивает давно, чтобы я напечатал возражение против вашей статьи. Я не отказывался, но ставил условием, чтобы указан был источник показания о бисквитах. (Из-за этого была целая переписка.) Приехав сюда, он читал мне но-

вое возражение, в котором утверждается, что бисквиты и фрукты одно и то же. Я опять не отказывался напечатать, но не иначе, как с моим примечанием с тем, чтобы я предварительно показал статью Вам. Решено было, что он мне ее отдаст, переписав. Теперь слышу, что он уже уехал назад в деревню. Этот человек, вследствие своего пламенного воображения, совсем разучился отличать то, что он читал, от того, что ему представилось. Тем не менее 5-й том, ныне к Вашему сиятельству посылаемый, содержит в себе вещи истинно художественные» (там же, л. 94 и об.).

В своих письмах Бартенева часто упоминает о Толстом. Так, 2 мая 1872 года он писал Вяземскому: «Война и мир» посылается. Автор на днях встретился мне на улице, и мы прошли с ним: он печатает какую-то большую книгу для детского чтения. Удивительный человек! Ругает Крылова, находя, что народность у него напускная и для детей вредная» (там же, л. 122).

И, наконец, письма Бартенева Вяземскому, посвященные роману «Анна Каренина». В одном из них, от 11 февраля 1875 года, Бартенева писал: «Анна Каренина» отправилась к Вашему сиятельству третьего дня. По началу судить еще нельзя, но оно почти все читается живо, а некоторые сцены, например обед с татарскою прислугою или неловкое положение провинившегося мужа, отменно мне понравились. Можно ли при свидании передать автору Ваш отзыв об его таланте? Вы знаете, что в новом издании «Войны и мир[а]» он выбросил всю свою философию и с отличающим его практицизмом сказал мне, что он это сделал, чтобы сократить издержки печатания» (там же, л. 199). И еще одно письмо Вяземскому, написанное 5 мая 1877 года: «Посылаю Вам «Анну Каренину» (последние главы; потрудитесь возвратить первые книжки «Р[усского] вестника»). Вот сердцевед-то! Вот Вам и сплетня. Автор вложил в уста Левину сильную диатрибу против славянских сочувствий... но Катков заявил, что лучше пусть роман останется незаконченным в «Р[усском] вестнике», а печатать противное славянскому движению он не станет» (там же, лл. 253 об. — 254). Речь идет о М. Н. Каткове, редакторе журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

Издания Бартенева и его исторические труды часто использовались для создания литературных произведений. Так, к ним обращался и Н. А. Некрасов при работе над поэмой «Русские женщины», о чем поэт писал М. С. Волконскому 22 ноября 1872 года: «Многое, что вошло в мою поэму, находится в материалах в статье Бартенева» (Н. А. Некрасов. Собр. соч., т. 8. М., 1967, с. 361), имея в виду бартеневскую брошюру «Пушкин в Южной России» (М., 1866). Всегда был в курсе издаваемых Бартеневым исторических документов писатель Г. П. Данилевский. Высылая Бартеневу свои последние издания, он писал 15 августа 1874 года: «Все это я Вам послал в знак моего многолетнего и глубочайшего к Вам почтения, за Вашу неоценимую деятельность на пользу русской истории и литературы. Тому только может быть ясна эта польза и приносимое Вами не одному поколению писателей добро, кто вздумает, подобно мне, начать исследования в документах исторических для историко-литературного труда. Вот уже несколько лет я готовлюсь к написанию исторического романа «Иван VI Антонович» (заглавие будет другое)... Но Вы поймете, что читать одно печатное — еще мало (я ездил и в Шлиссельбург, проник в казематы его, расспрашивал старожилов)... Дорого еще поговорить, обменяться устной беседой с таким знатоком истории XVIII века, как Вы» (ф. 46, оп. 1, д. 566, ч. II, лл. 163 об.— 164 об.).

В 1873 году Чертковская библиотека была соединена с Румянцевским музеем и библиотекой. Бартенева было вынуждено оставить свое место. Оценивая его деятельность по комплектованию и описанию библиотеки, М. Н. Лонгинов писал Бартеневу 29 мая 1872 года: «Не можете себе представить, как грустно мне то, что Вы разлучаетесь с Чертковской библиотекой! Она будет без Вас, как тело без души. Вы ее создали, устроили, усовершенствовали, увеличили, а что еще важнее — оживили» (там же, д. 564, л. 204).

Как уже говорилось, имя Бартенева связывается прежде всего с изданием исторического журнала «Русский архив». Выходивший до 1917 года и издававшийся до 1912 года самим Бартеневым, журнал опубликовал на своих страницах огромное количество исторических и литературных материалов. Помимо археографической пирамиды «Русского архива», возвышавшейся памятником издательской деятельности Бартенева, он оставил после

себя целый ряд других замечательных изданий. Это — «Собрание писем царя Алексея Михайловича» (М., 1856), «Оснадцатый век» (кн. 1—4, 1868—1869); «Деятнадцатый век» (кн. 1—2, 1872), «Архив князя Воронцова» (тт. 1—40, 1870—1895); издания произведений классиков русской литературы: А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, В. А. Жуковского, стихотворений А. С. Хомякова и многие другие ценные издания. Благодаря своей энергичной собирательской деятельности и широко поставленной деятельности издательской Бартенев являлся в XIX веке своеобразным «центром» по изучению русской культуры. Удивителен своей многочисленностью и разнообразием и круг его знакомств. Достаточно сказать, что в настоящее время в фонде Бартенева хранятся письма к нему от более чем 2000 корреспондентов, здесь и государственные деятели разных рангов, и представители науки, искусства и литературы, и журналисты, и общественно-политические деятели различных направлений — все, так или иначе заинтересованные в публикации историко-литературных материалов. И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и В. Я. Брюсов, Ф. И. Тютчев и Н. А. Некрасов, Н. Г. Рубинштейн и С. П. Дягилев в той или иной степени соприкасались с Бартевым. Среди корреспондентов Бартевева — А. Ф. Писемский и П. И. Мельников-Печерский, о которых Бартев писал 31 января 1875 года Вяземскому: «У нас, т. е. в Обществе любителей, справлялись юбилеи Мельникова и Писемского. Много было забавного, но оба публичные заседания переполнялись посетителями и были живы. Писемский с теплотою и признательностью вспоминает о Вас; рассказывал мне, как он читал Вам свою «Горькую судьбину» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 198 об.). В письме Бартевева к Вяземскому от 11 февраля 1875 года читаем: «Писемского «*Просвещенное время*» есть грома общественного навозу, преподносимая публике. И ничего, нюхают! Второй акт в особенности жадно смотрится на сцене. Писемский превосходно прочитал этот акт в Обществе любителей словесности. Говорят, что азиаты, обличители директора местовыщипательной компании, у него в чтении выходят лучше, чем в игре актеров. Не прислать ли Вам два томика драм Писемского? Помню, что вы охотно читаете всякие процессы: а у него зачастую уголовщина. Его приятели рассказывают, что когда он служил и имел дело с колод-

никами, то простирал свою страсть к психологическим разведываниям до того, что ночевал со своими арестантами» (там же, л. 199 и об.). Или вот выдержка из письма Бартенева жене от 6 августа 1859 года: «Кстати, я закончил в Москве «Тысячу душ». Роман этот чем дальше, тем скучнее, хотя в начале очень занимателен. А герой его — просто слабый человек, у которого не хватило воли как следует бороться с жизнью и провести свой век в честной неизвестности. Такими людьми наполнено наше время...» (ф. 46, оп. 9, д. 9, л. 4 об.).

Назовем еще двух корреспондентов Бартенева — людей совсем другого поколения, других эстетических взглядов, людей начала XX века. Первый — это С. П. Дягилев. Он был связан с «Русским архивом», опубликовав во второй книге журнала за 1902 год материалы к биографии художника В. А. Боровиковского. Бартенев и о нем успел составить мнение, и 5 июня 1901 года написал С. Д. Шереметьеву: «Что это за Дягилев, издающий снимки с портретов Левицкого? Сидел у меня и казался по этой части знающим» (ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 78, л. 34.). Одним из первых журналов, в которых начал свою деятельность молодой В. Я. Брюсов, был «Русский архив». Почтенный редактор взял молодого поэта-«декадента» в редакцию на должность секретаря и поручал ему ответственную работу по подбору материалов. Здесь же были опубликованы многие историко-литературные статьи Брюсова о Пушкине, Тютчеве. Впоследствии Брюсов отмечал большое значение, которое имело для него общение с Бартевым, живым современником давно минувших лет, свидетелем многих знаменательных событий (см.: А. Д. Зайцев. В. Я. Брюсов в редакции «Русского архива». — «Советские архивы», 1976, № 3).

Обратимся теперь к той неутомимой и самоотверженной собирательской деятельности Бартенева, которой требовали его многочисленные издания; посмотрим, как собирался архив журнала. Здесь любопытно прежде всего отметить один своеобразный прием, которым широко и успешно пользовался Бартенев при собирании исторических материалов. Этот прием заключался в сознательном целенаправленном воздействии редактора на участников или очевидцев тех или иных знаменательных исторических событий с целью получения от

них воспоминаний, письменных или устных, записываемых самим Бартевым. Тем самым Бартев являлся как бы инициатором создания новых исторических источников, и в этом отношении его деятельность заслуживает особого уважения. В свою очередь, опубликованные Бартевым материалы вызвали у современников потребность написать в редакцию, поделиться своими замечаниями, объяснить, опровергнуть опубликованный материал. Особенно часто Бартев применял «свой метод» при собирании материалов о Пушкине. Так 7 апреля 1873 года он писал Погодину: «Скажите, значит, Вы виделись с Пушкиным часто в первые месяцы его женитьбы? Напишите, каков был он тогда» (ф. 373, оп. 1, д. 73, л. 35). И в результате возникал новый источник о жизни поэта. М. А. Цявловским в 1925 году были изданы записи Бартева о Пушкине со слов его друзей.

Как часто при изложении какой-либо стороны деятельности Бартева нам приходится отвлекаться и уходить в сторону от основной нити повествования из-за того, что перед нами вырастает новая большая проблема, новое большое имя. Итак — Пушкин...

Деятельность Бартева по собиранию и изданию материалов Пушкина и о Пушкине заслуживает самого серьезного внимания: как потому, что Петр Иванович был одним из зачинателей отечественного пушкиноведения, стоял у истоков науки о Пушкине, так и потому, что за свою долгую жизнь он собрал и опубликовал огромное количество материалов о жизни и творчестве великого поэта. Изучение творчества Пушкина Бартев начал еще во время своего учения в Московском университете. Так, в сочинении, написанном на третьем курсе, «Художественное сознание русских поэтов» значительное место отведено рассмотрению творчества Пушкина. Как уже говорилось, в начале 1850-х годов Бартев знакомится с друзьями Пушкина, и с этого времени у него постепенно начинают собираться пушкинские материалы. Судя по письму Бартева С. П. Шевыреву, в 1852 году он бывает у первого биографа великого поэта — П. В. Анненкова и просматривает рукописи Пушкина. Итогом этого начального периода пушкиноведческой деятельности Бартева явилась его работа «Род и детство Пушкина» («Отечественные записки», 1853, кн. II). Т. Н. Грановский писал редактору «Отечествен-

ных записок» А. А. Краевскому: «Рад, что угодил Вам статьей Бартенева. Он усердный работник, и если хотите приобрести его в постоянные сотрудники, то это будет нетрудно» («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, с. 472). Сам Краевский писал Бартеневу 19 января 1854 года: «Пользуясь отъездом из Петербурга Т. Н. Грановского, препровождаю Вам 56 р. 25 к., следующие за статью «Род и детство Пушкина», напечатанную в XI № 0.3. 1853 года и составляющую 1 лист и 4 страницы. Позвольте надеяться, что эту статью не ограничится Ваше участие в моем журнале. Труды, заключающие в себе или биографические подробности, или критическую оценку наших писателей, всегда находили и найдут место в «Отеч[ественных] записках» и приняты будут с величайшею благодарностью» (ф. 46, оп. 1, д. 551, л. 222). Большую роль в написании этой статьи сыграл материал, собранный С. А. Соболевским и переданный Бартеневу, как это следует из письма Бартенева Соболевскому от 24 ноября 1858 года (см. ф. 450, оп. 1, д. 13, л. 222).

Первые пушкиноведческие работы Бартенева были омрачены противодействием цензуры из-за того, что он в одной из своих работ использовал неопубликованные воспоминания О. С. Павлищевой — сестры Пушкина и сделал это до выхода в свет издания сочинений Пушкина, которое готовил П. В. Анненков. (Подробнее об этом эпизоде см.: М. А. Цявловский. Воспоминания О. С. Павлищевой. Летописи Государственного литературного музея, вып. 1. М., 1936). Кстати, у Бартенева с Анненковым, у этих первых пушкинистов, были довольно сложные личные отношения, основанные на известной конкуренции между двумя собирателями и издателями пушкинского рукописного наследия. 20 января 1874 года Барте́нев писал Вяземскому: «Посылаю Вашему сиятельству две вырезки из «Русского мира», на которые любопытно Вам будет взглянуть. Анненков имел доступ к бумагам, оставшимся после Пушкина; они были ему отданы в 1854 году, когда он издавал сочинения Пушкина. Удержав у себя их, теперь, вместо того чтобы просто их напечатать, он разбавляет их своими рассуждениями и коверкается перед ними ...Любое письмо Пушкина, по Вашей милости украшающее «Р[усский] архив» сего года, важнее и лучше целой статьи Анненкова» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 172). Это письмо характеризует и понимание

Бартеневым задач издателя пушкинских материалов: публикация текста с сопровождением самых необходимых комментариев, стремление избежать широких обобщений — «коверкания» перед документом. Впрочем, это характерно и для издательской практики Бартенева в целом.

Встречаясь с современниками Пушкина, его знакомыми, друзьями, Бартенев упоминает об этих встречах в своих письмах, часто оценивая их сквозь призму их сопричастности Пушкину. 27 декабря 1872 года он писал князю Вяземскому о встрече с А. М. Горчаковым: «Записка Ваша обо мне канцлеру не принесла ожидаемого плода... Я шел к нему с мыслию увидеть бывшего лицеиста, товарища Пушкина; встретил ядовитые намеки и выговоры о неприличии разглашать историческую тайну» (там же, л. 138). А вот оценка материалов барона М. А. Корфа о Пушкине, данная в письме к тому же Вяземскому 12 марта 1872 года: «Но Корфу трудно верить: он Пушкина не любит» (там же, л. 113). 14 декабря о том же Корфе Бартенев писал Барсукову: «Хотя я уверен, что Корф искренен, но также знаю и то, что он смотрит на Пушкина не совсем верно: он мало знал его по выходе из Лицея, да и натуры совсем разные» (ф. 87, оп. 1, д. 65, л. 143). Работая над изданием «Архива князя Воронцова», Бартенев часто встречался с представителями этой фамилии. В том числе и с Е. К. Воронцовой, с которой вел беседы на различные исторические темы, но, как он писал в письме Барсукову, «...о Пушкине у меня не хватило смелости ее расспрашивать. Доктор ее утверждает, что она охотно слушает чтение стихов Пушкина» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 214).

Бартенев охотно предоставлял свое собрание пушкинских автографов для издания другим издателям. В 1902 году он предоставил свою Пушкиниану пушкинисту В. И. Сайтову, которому 21 декабря писал, упоминая при этом об известном историке литературы Л. Н. Майкове: «От Вас узнаю, что издание переписки Пушкина поручено Вам, и ото всего сердца этому радуюсь, готовый ч[ем] сам могу быть полезен. Все, что у меня имеется, на днях к Вам посылаю. Может быть, пожелаете, чтобы я продержал одну корректуру в гранках: рад буду и обещаюсь не задерживать. Леониду Николаевичу сообщал я мои записи о Пушкине. Незадолго до своей кончины он возвратил мне их, но кое-что у него осталось.

Писем Натальи Николаевны к мужу не сохранилось, как говорил мне недавно старший сын их. Несколько очень важных писем Жуковского, относящихся к последним дням Пушкина перед поединком, было передано через мое посредство Леониду Николаевичу. Конечно, эти письма целы? Списки с них я не мог сделать» (ф. 437, оп. 1, д. 36, л. 2 и об.). Из письма, написанного Бартеневым Сайтову через четыре дня, выясняется история получения им некоторых рукописей поэта: «Вот список пушкинских бумаг, вчера к Вам посланных, многоуважаемый Владимир Иванович. Не откажите подписать его и мне прислать, так как эти бумаги, когда они больше не будут Вам нужны, должен я отдать в Румянцевский музей для приобщения к остальным бумагам, которые в 1880 году привез я ему от сына Пушкина, дозволившего мне (по денежному соглашению) печатать в «Русском архиве» извлечения из них. В этих извлечениях я должен был быть разборчивым, так как плата превосходила средства «Русского архива». Посланные к Вам бумаги были мне доставлены А. А. Пушкиным позже, а листки с «Русалкою» и «Дубровским» были мною получены от П. И. Савайтова, которому дал их А. С. Норов» (там же, л. 4).

Бартенев пользовался большим авторитетом у пушкинистов, часто обращавшихся за справками о судьбе пушкинских материалов к его феноменальной памяти. Так, хранитель пушкинского рукописного наследия в Румянцевском музее А. Е. Викторов писал 27 ноября 1882 года В. А. Дашкову: «Не доверяя, впрочем, достоверности собственных поисков, с вопросом: нет ли где в наших пушкинских рукописях чернового письма Пушкина к Батюшкову, я обращался к специалисту по изучению как Пушкина вообще, так и находящихся у нас его автографов, но результат также вышел отрицательный. Бартенев сегодня прислал мне следующий ответ: «Никакого письма Пушкина к Батюшкову в пушкинских (музейных) рукописях я не встречал, *иначе непременно бы его напечатал*. Сверх того мне положительно известно, что Пушкин лишь немного раз встречался с Батюшковым, но в переписке с ним быть не мог» (ф. 191, оп. 1, д. 557, л. 2 об.).

Публикация материалов Пушкина и о Пушкине в «Русском архиве» всегда вызывала оживленные отклики читателей. Их письма рисуют картину горячей заинтересованности как судьбой рукописного наследия поэ-

та, так и его образом, создающимся не только по его собственным произведениям, но и в биографических статьях и воспоминаниях. Послушаем, что сто лет назад говорили о Пушкине.

3 сентября 1874 года сын декабриста Е. И. Якушкин писал Бартеневу: «Пользуюсь случаем, чтобы от всей души поблагодарить Вас за помещение в 9 книге «Архива» стихотворения Пушкина, которое без Вас, вероятно, долго бы не появилось в русской печати. Ни одному поэту в мире не выпадало такой горькой судьбы, как Пушкину. Его стихотворения и прозу переделывали, искажали издатели, вычеркивала цензура, Академия не позаботилась собрать материалы для будущего его полного издания; бумаги его, и в особенности письма, многие уже утратились, и собрать их с каждым годом становится все труднее и труднее... Следовало бы позаботиться об этом всем образованным людям, пока еще есть время. Апатия в этом деле — есть высшая апатия общества: она показывает равнодушие не только к искусству — но и к народной славе» (ф. 46, оп. 1, д. 566, ч. II, лл. 182—183). Из письма Н. П. Барсукова к Бартеневу от 19 октября 1880 года: «Не слишком много солгу, если скажу, что одно время у нас вместо приветствия спрашивали друг друга: читали Вы новую главу «Капитанской дочки»?! Всех оживило это чудное загробное слово Пушкина. Переправа через Волгу решительно не выходит из головы. Счастливы Вы, что связали свое имя с таким блестящим делом, как эта находка» (там же, оп. 1, д. 572, л. 274). Но были письма и другого рода, написанные людьми, канонизировавшими идеальный образ поэта. Академик Я. К. Грот писал Бартеневу 1 августа 1872 года: «Успел я еще прочесть Записку Пушкина... и пожалел за Пушкина, что она напечатана. Она бросает на него какой-то неблагоприятный свет; тут видно, что во многих понятиях он стоял не выше своего времени. Впрочем, издание этого документа совершенно в духе нашего анатомического времени, и я в этом случае говорю не как историк, а как почитатель поэта» (там же, д. 564, лл. 433 об.—434). По поводу публикации «Неизданные десять стихов А. С. Пушкина» в «Русском архиве» Н. М. Орлов писал 15 ноября 1876 года: «С Вами собирался я сильно браниться за напечатание похабщины пушкинской. Неужели она необходима для славы его, чтобы его сочинения нельзя было давать в руки не толь-

ко девушкам и мальчикам, но даже молодой женщине? Как Гербелю не стыдно, да и Вам, греховоднику!» (там же, оп. 1, д. 568, л. 443). Упомянутый Н. В. Гербель — один из первых издателей Пушкина. Вяземский в одном из своих писем высказался так: «Разумеется, худо сделали Вы, что многое пушкинское напечатали. Это оскорбление памяти поэта. Он, без сомнения, протестовал бы против этого» (там же, д. 569, л. 17 об. — 18). Наконец, возмущенная С. В. Энгельгардт выговаривала Бартеневу: «Я не могу Вам не сказать, Петр Иванович, моего мнения о стихотворениях Пушкина, напечатанных в «Архиве». Я их прочла с отчаянием, спрашивая себя, с какой целью хотели доказать всему свету, что Пушкин умел писать грязные и плохие стихи. Нам дорога каждая его строчка, но тогда, когда она достойна его гения, — а вещи, написанные с полупьяна, брошенные им же в помойную яму, *грешно* вытаскивать из этой ямы, чтобы забавлять дураков и лакейскую. Я не понимаю, как Вы, ценитель Пушкина, как *Вы* покусились на такое оскорбление его памяти» (там же, лл. 97—98).

Надо сказать, что не весь присылаемый в редакцию материал о Пушкине шел в печать, — часть документов оставалась неопубликованной, причем со временем их накапливалось все больше и больше. Поэтому Бартенева не оставляла мысль заняться только Пушкиным, и он писал 15 сентября 1879 года жене: «Мелькает даже мысль, не прекратить ли «Архив» и заняться работою бессрочною, какой накопилось довольно. Тогда и Пушкин пойдет в ход...» (там же, оп. 8, д. 29, л. 79 об.). Бартенев написал более тридцати статей о Пушкине, где впервые были опубликованы некоторые неизвестные тексты поэта («Пушкин в печати за сто лет». 1837—1937. М., 1938, с. 173—174).

Бартенев принимал деятельное участие в различных пушкинских юбилеях, торжествах, выставках. Все, что служило увековечению памяти великого поэта, находило отклик у Бартенева. В этой связи Я. К. Грот писал Бартеневу 7 апреля 1871 года о работе юбилейного комитета: «Много благодарю Вас, любезный Петр Иванович, за обстоятельное указание мест, приличных, по Вашему мнению, для памятника Пушкину. Непременно предложу их на обсуждение комитета. Спасибо Вам также за готовность принимать подписку; в скором времени доставят Вам книжку для внесения имен жертвователей.

Мысль Ваша о проекте памятника — обычно верна; я совершенно того же мнения и буду его отстаивать» (ф. 46, оп. 1, д. 563, л. 102). В. П. Гаевский от имени Литературного фонда писал 4 августа 1880 года Бартеневу: «В начале октября открывается в Петербурге, по примеру Москвы, Пушкинская выставка в пользу Литературного фонда для увеличения учрежденного при нем Пушкинского капитала, проценты которого назначаются на издание замечательных литературных или ученых трудов. Без Вашего участия такая выставка немыслима...» (там же, д. 572, л. 201). Многие пушкинисты обращались за советами и помощью к Бартеневу по самым различным вопросам. Вот несколько выдержек из писем. В 1902 году упомянутый уже В. И. Саитов писал Бартеневу: «Я был бы бесконечно признателен Вам, если бы Вы сообщили мне, хотя вкратце, свой взгляд на то, как должна быть издана переписка Пушкина, для изучения которого Вы так много сделали. Я ни к кому не обращаюсь за советами, но Вашим мнением, как знатока Пушкина, очень дорожу» (там же, д. 594, л. 556 об.). 20 октября 1908 года С. А. Венгеров писал Бартеневу: «Весьма обрадован Вашим благосклонным отношением к моему изданию Пушкина. Вы один из наиболее заслуженных зачинателей «пушкиноведения», и Ваша похвала не может не бодрить меня» (там же, д. 138).

Этот краткий очерк пушкиноведческой деятельности Бартенева хочется закончить цитатой из его речи, сказанной 11 февраля 1859 года в Обществе любителей российской словесности, которая раскрывает понимание молодым тогда еще пушкинистом Бартеневым творчества поэта: «Главнейшая заслуга Пушкина и в то же время лучшая разгадка его чудесного слога состоит в том, что он первый прямо обратился к живописному источнику простонародной речи и осмелился сказать, что сказки няни его Арины Родионовны восполнили для него недостатки первоначального воспитания» (ГБЛ, ф. 18, М. 8553, 14, л. 2 об.).

Но продолжим прерванную нить повествования о собирательской деятельности Бартенева. Значительное количество документов и копий с них было собрано им в государственных архивах России. В 1865 году московский генерал-губернатор дозволил Бартеневу «пользо-

ваться ген[ерал]-губ[ернаторск]им архивом» (см. ф. 46, оп. 8, д. 28, л. 20). А с 1870 года Бартеневу было разрешено печатать документы из Архива Главного штаба (см. там же, оп. 1, д. 562, л. 81). Для публикаций в «Русском архиве» Бартенева часто использовал рукописное собрание Публичной библиотеки в Петербурге, хранитель которой А. Ф. Бычков охотно содействовал издательской деятельности Бартенева. В этой связи Бартенева писал Барсукову 17 января 1865 года, что Бычков обещал ему «в феврале 1864 года для «Архива» новую редакцию повести о капитане Копейкине. Пожалуйста, передав ему мое глубочайшее почтение, напомни это обещание, постарайся выручить и расположи его в мою пользу: ведь в его руках целые груды чистого исторического золота, и в том числе чекана XVIII в., в коем мы нуждаемся» (ф. 87, оп. 1, д. 65, л. 14). Через своих сотрудников получал Бартенева документы и из провинциальных архивов. Так, Ф. К. Кудринский посылал в редакцию «Русского архива» документы из Нижегородского губернского архива, другой сотрудник разбирал для Бартенева Псковский губернский архив, С. С. Эсадзе присылал для публикации материалы из Архива Кавказского горного управления. Сам Бартенева, обращаясь к историку литературы С. И. Пономареву, 25 февраля 1863 года писал: «Нет ли для Вас возможности получить доступ к бумагам Гнедича, которые должны храниться в Полтавской семинарии? Вот из них бы Вы составили статью для «Архива»! (ф. 402, оп. 1, д. 27, л. 1 об.). Этот перечень можно еще долго продолжать, но и из приведенного ясно, что в богатейшей коллекции Бартенева концентрировались копии и подлинники документальных материалов по истории России не только общего, центрального значения, но и по истории отдельных регионов, самого широкого тематического охвата. Материалы, относившиеся к истории России, искал Бартенева и во многих зарубежных архивах. В 1897 году Бартенева получил позволение работать в секретном государственном архиве в Берлине. В 1903 году он пишет своей жене, что «в Ольденбурге для «Русского архива» все-таки нашлась пожива. Копии мною заказаны» (оп. 9, д. 23, л. 60 об.). 10 июля 1897 года Бартенева пишет Шереметеву: «Занят я теперь полученною из Парижского государственного архива секретною перепискою о предполагавшемся браке Наполеона с в[еликой] княжною Анной

Павловой. Вскрытия удивительные (ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 75, л. 99).

Другим не менее важным объектом собирательской деятельности Бартенева были частные архивы. При этом Бартеневу приходилось преодолевать определенные трудности, связанные с известным предубеждением владельцев больших семейных архивов в отношении обнаружения документов из этих архивов. В этом отношении любопытно проследить, как постепенно открылся для Бартенева богатейший архив декабриста Н. И. Тургенева, жившего в Париже. Один из парижских знакомых — А. П. Голицын, сообщая об архиве Тургенева, писал Бартеневу в начале 1860-х годов: «Здесь Николай Иванович Тургенев имеет много рукописей... но не сообщает их охотно. Я советовал бы Вам ему прямо писать» (ф. 46, оп. 1, д. 167, л. 9). Желая расположить Тургенева в свою пользу, Бартенев высылает ему полный комплект журнала «Русский архив» за два года и в ответ на это получает письмо от 11 сентября 1866 года, в котором говорится: «Я получил на этих днях два тома «Русского архива» (1864—1865 годы). Чувствительно благодарю Вас за эту, для меня драгоценную посылку... Мне кажется, что интерес, который «Р[усский] архив» представляет для современных читателей, возрастет в будущем» (там же, д. 457, л. 7 и об.). После этого Тургенев предоставляет Бартеневу материалы своего архива, и уже 21 ноября Бартенев пишет находящемуся в Париже Г. А. Черткову, владельцу вышеупомянутой библиотеки: «Благодарствуйте за обязательную готовность Вашу относительно копий бумаг тургеневских. Если и не успеете увидеть Николая Ивановича, то это не беда, во-первых, потому что дело не спешное, а во-вторых, бывший петербургский профессор Порошин сам вызвался кое-что списать для «Р[усского] архива» у Тургенева» (ГИМ, ф. 445, ед. хр. 326, л. 17). Зная, как неустойчива судьба частных архивов, особенно после смерти их владельцев, Бартенев старался заранее договориться о передаче хотя бы части документов для «Русского архива». С одной стороны, им руководило желание спасти документы, сберечь их для потомков, а с другой — в этой оперативности по выявлению круга потенциальных держателей интересующих его материалов определенную роль играла и конкуренция многочисленных собирателей, а также издателей исторических журналов и сборников, деятельность которых

особенно расцвела в России во второй половине XIX века. В этом отношении характерно письмо к нему Барсукова, его постоянного сотрудника по «Русскому архиву», который писал 5 декабря 1878 года: «Со дня на день ждут известия из Парижа о кончине князя Бориса Дмитриевича] Голицына. Он разложился заживо. Не мешало бы Вам теперь же съездить к графу Алексею Васильевичу] Бобринскому и переговорить о Вязёмских бумагах. Добро это нисколько не занимает ни князева сына, находящегося ныне на Кавказе, ни дочь — Евдокию Борис[овну] Шереметеву. Если заезжаетесь, все будет уничтожено, как ненужный хлам» (ф. 46, оп. 1, д. 570, л. 331). Тот же Барсуков постоянно информировал Бартенева о частных архивных собраниях, попадавших в поле его зрения, о намерениях их владельцев. Так, 23 июня 1871 года он писал Бартеневу: «Известно ли Вам, что у князя Паскевича имеется целый шкаф с бумагами покойного фельдмаршала. Самая незначительная даже записочка переписана, занумерована и проч. Слышал я, что князь ждет какой-то благоприятной минуты, чтоб открыть эту сокровищницу для общественного пользования. Особенно важны письма Николая. Вот если бы Вам удалось почерпнуть отсюда!» (там же, д. 563, л. 201). Не всегда имея возможность сразу заполучить драгоценные материалы, Бартенев, тем не менее, зорко следил за их странствиями от одного владельца к другому, терпеливо выжидая удобный момент для их приобретения. В письме Шереметеву от 30 июня 1891 года он писал: «Вот бы теперь рассмотреть *подлинные* рукописи «Истории» Карамзина. Они бережно хранились у младшего его сына Александра Николаевича, по смерти которого писал я к княгине Мещерской, чтобы она их себе попросила. Ныне большой сундук с этими бумагами достался графине Клейнмихель» (ЦГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 75, л. 121).

Но и владельцы частных архивов, в свою очередь, часто сами искали издателей с целью опубликования имеющихся в их руках исторических материалов. Прекрасное знание Бартеневым истории России XVIII и XIX веков, его издательский опыт — все это привлекало к нему владельцев частных собраний. Так, 17 декабря 1871 года Шереметев писал Бартеневу: «Пишу Вам по поручению Петра Ивановича Мятлева: в библиотеке его сохраняется богатое собрание писем Петра Великого, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны, Петра III, Ека-

терины II, Павла I, Марии Федоровны и Константина Павловича; много указов, письма кн. Меншикова, Ушакова, Чернышева; много писем на имя Петра Семеновича Салтыкова и сына его Ивана Петровича... П. И. Мятлев очень желает издать эти бумаги и поручил мне обратиться к Вам с предложением относительно этого издания...» (ф. 46, оп. 1, д. 563, л. 435). Приведенный документ характеризует тот круг материалов, которые могли привлечь Бартенева и которые занимали большое место в его изданиях. Это документы по политической истории России: письма, указы, рескрипты императоров и императриц, представителей императорской фамилии, царских сановников. Интерес к подобным материалам был обусловлен интересами самого Бартенева, развивавшимися в русле официальной дворянской историографии. Тем не менее, стремясь в своих изданиях давать широкую картину исторического развития России, Бартенева собрал и опубликовал значительное число материалов широкого общественного звучания. Прежде всего это относится к материалам по истории декабристов.

Так, в первые годы издания «Русского архива» Бартенева, подбираясь к документам, хранившимся в семье Якушкиных, поручил своему сотруднику — ярославскому поэту Л. Н. Трефолеву познакомиться с Якушкиным и выяснить характер имеющихся у него документов. Выполняя эту просьбу, Л. Н. Трефолев писал Бартенева 12 июля 1865 года: «Действительно, у Евгения Иванов[ича] Якушкина (председ[ателя] здешней казенной палаты) есть любопытные рукописи, и я поспешил передать ему Ваше желание чрез одного нашего общего знакомого. Якушкин — хороший господин; но лично я его мало знаю: встречались только на толкучке у здешних букинистов» (там же, д. 559, л. 250). Еще один корреспондент Бартенева Н. Я. Агафонов сообщал последнему 20 июля 1871 года: «Вам готовит огромный том своих мемуаров Ипполит Иринархович Завалишин, известный полудекабрист и проч. Он живет у нас и в Козмодемьянске» (там же, д. 564, л. 306 об.). Уступая настойчивым просьбам Бартенева, его смоленский корреспондент С. В. Друцкой-Соколинский писал о дневнике И. Б. Пестеля — отца декабриста: «Во всяком случае, даю вам слово, что употреблю с моей стороны всевозможное старание, чтобы доставить вам дневники Ивана Борисовича и всякого рода интересные бумаги» (там же, д. 567, л. 93

и об.). Можно сказать, что благодаря этому содействию сейчас в архивном фонде Бартенева хранится большое количество материалов, отражающих различные стороны жизни семьи Пестелей. О. С. Лепарская — дочь С. Р. Лепарского, коменданта Нерчинских рудников, 25 апреля 1875 года писала Бартеневу в ответ на его просьбу о высылке документов о декабристах: «К величайшему моему сожалению, я не могу исполнить вашего желанья, потому что все, что я нашла по смерти моего отца, все бумаги, документы, переписка с царственными особами, касающиеся до декабристов, я передала одному из своих родственников, который обещал мне привести все в порядок и извлечь из всего все, что будет возможно. Мне очень жаль, что письмо Ваше опоздало несколькими днями» (там же, л. 212). Как видим, и Бартенева не всегда успевала.

Собирая и публикуя документы о декабристах, Бартенева часто преодолевал противодействие со стороны официальных кругов (не говоря уже, естественно, о цензуре), со стороны своих высокопоставленных знакомых, недовольных тем широким резонансом, который приобретали опубликованные материалы по истории освободительного движения в России. Переписка Бартенева убедительно показывает это. Так, начальник Главного управления по делам печати М. Н. Лонгинов писал Бартеневу 22 апреля 1871 года: «Любезнейший Петр Иванович, шестая книжка «Архива» очень занимательно составлена. Об одном прошу Вас: оставьте в покое декабристов, или лучше — не давайте им нарушать нашего покоя. Пора! Об них все сказано — и больше чем нужно даже. Они обрадовались, что можно писать (что очень понятно), и теперь дело доходит уж до того, что они описывают, что творилось у них на кухне, и занимают публику рассказами о починке подштанников у людей, которых и имена (за исключением десятка) услышались только благодаря тому, что они куролесили 24 часа, сами не зная, чего хотят и куда их ведут вожаки» (там же, д. 563, л. 92 и об.). Ту же позицию занял фактически и Вяземский, в прошлом друг многих декабристов, к концу своей долгой жизни сильно «поправевший». Называя Бартенева «Плутархом декабристов», он считал, что Бартенева «незаслуженно» много места в своих сборниках отводит декабристам. В большом его письме от 21 ноября 1871 года, опубликованном в сборнике «Декабристы» (М., 1938),

читаем: «Вы, говорят, жалуетесь на притеснения цензуры. А что скажете Вы, когда я начну к Вам придираяться?.. Неужели значение их в историческом отношении так крупно, что оно может обозначать эпоху и что с них, как будто, следует начинать новое летосчисление?» (там же, л. 506). Отвечая на это письмо, Бартенев писал Вяземскому 2 декабря 1871 года: «...прозвище *Плутарх декабристов* меня серьезно беспокоит: бога ради, припрячьте его. Не отвечать же мне за то, что не соразмерил своего сборника. Но неужели не скажете доброго слова об остальном составе его и о литературном достоинстве самых «Записок» Басаргина?.. Нельзя собирателю исторических материалов миновать лиц, которые, к несчастью, определили или, если угодно, омрачили тридцать лет Русской Истории... Каюсь и не хочу печатать «Записок» Лорера...» (ф. 195, оп. 1, д. 1407, л. 108). Но это была только лукаво-вежливая отговорка. Бартенев продолжал публиковать материалы о декабристах. Опубликовал он и «Записки» Н. И. Лорера, и «Записки» И. И. Горбачевского, и многие другие материалы.

До конца своей жизни Бартенев неутомимо собирал исторические документы, не считаясь ни с возрастом, ни с трудностями, добираясь в своих поисках до самых глухих провинциальных уголков. В 1895 году, то есть в возрасте 65 лет, Бартенев писал жене: «Сегодня в ночь иду я в Данков и оттуда (X верст) к Муромцеву... у него есть кое-что для «Русского архива» (ф. 46, оп. 9, д. 26, л. 108).

В формировании коллекции Бартенева, конечно, большую роль сыграл «Русский архив», куда со всей страны и даже из-за границы стекались рукописи для издания. В том обилии писем с предложением опубликовать тот или иной документ проявлялся интерес современников к историческому прошлому, осознание ими важности публикации материалов по истории России XVIII—XIX веков. Писали друзья, коллеги, вовсе незнакомые люди. Начиная от Александра II, который, как писал Бартенев жене: «пожаловал мне для «Р[усского] архива» все письма Жуковского к его отцу» (там же, оп. 8, д. 29, л. 103), и кончая неизвестным священником из Средней Азии, который посылал записанное им «предание о дьячке В. Г. Рагозине» (там же, оп. 1, д. 594,

л. 327). В архиве редакции встречались письма людей разных взглядов, убеждений, различных социальных групп; людей, стоявших по разные стороны баррикад в революционной борьбе. Все это оседало в архиве редакции. Кроме того, сами письма к Бартеневу являются ныне чрезвычайно ценным источником не только для изучения истории России времен Бартеенева, но и более ранних периодов, так как среди его корреспондентов были ветераны русской литературной и общественной жизни начала XIX века и даже конца XVIII века — «олимпийцы 1812 года».

Так постепенно росла коллекция исторических материалов Бартеенева. Часть документов публиковалась на страницах «Русского архива» и в других исторических сборниках; значительная же часть коллекции так и не была издана. Только по приблизительным подсчетам самого Бартеенева в конце XIX века у него было «накоплено несколько сот неизданных рукописей» (там же, оп. 9, д. 13, л. 43). При жизни Бартеенева это богатейшее собрание хранилось в редакции «Русского архива», которая помещалась в доме № 175 по Большой Садовой (Садовой-Ермолаевской).

Какова же дальнейшая судьба этой коллекции? Часть рукописей в составе бывшей Чертковской библиотеки ныне хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Перед самой смертью Бартеенев решает расстаться со всем делом своей жизни: и с библиотекой, и с рукописями, и с «Русским архивом». Н. П. Чулков писал в этой связи 11 октября 1912 года историку русского масонства Т. О. Соколовской: «Пользуясь случаем, что пишу Вам, чтобы сообщить следующее: П. И. Бартеенев болен и продает «Русский архив» со всеми рукописями и библиотекой, о чем просил меня разглашать. Может быть, среди лиц, Вам знакомых, найдутся желающие приобрести издание «Русского архива» (ф. 442, оп. 1, д. 183, л. 3 об.). Через три недели Бартеенев умер, не успев найти покупателя. Библиотека и рукописная коллекция осталась многочисленным наследникам, что в известной мере предопределило дальнейшее дробление собрания. Но все же основная часть бартееневского архива была сохранена, и в 1930-х годах «пятьдесят два тома из архива П. И. Бартеенева» (И. Л. Андроников. Хранители правды. — «Встречи с прошлым». М., 1970, с. 24) были приобретены Гослит-

музеем. Как писала в 1935 году внучка Бартенева И. Ю. Бартенева В. Д. Бонч-Бруевичу, «ценнейшая библиотека моего деда передана нашей семьей Историческому музею совершенно бесплатно» (ф. 612, оп. 1, д. 574, л. 5). Ныне пушкинские автографы, собранные Бартеневым, хранятся в Ленинграде в Пушкинском Доме. Основная часть коллекции поступила из Гослитмузея в ЦГАЛИ.

Подходит к концу наш рассказ о Петре Ивановиче Бартенева, этом, как он себя называл, «архивном рудокопе», о его жизни — своеобразном калейдоскопе людей и событий прошлого века. Памяти Бартенева и многих других архивных изыскателей, часто незаметных и малоизвестных даже современникам, не говоря уже о потомках, но сберегающих для будущего Историю, посвящается этот обзор, который хочется закончить словами Валерия Брюсова: «Трудно представить себе русского историка русской литературы, который не был бы принужден обращаться, при своей работе, к «Русскому архиву». Дело Бартенева как издателя — огромно, и в этом отношении его влияние на русскую науку почти не поддается учету» (В. Я. Брюсов. За моим окном. М., 1913, с. 51, 59).

В. В. Барсова
П. И. Бартенев
Н. П. Баталов
Андрей Белый
Александр Блок
А. К. Гладков
А. М. Горький
А. Д. Дикий
Сергей Есенин
В. А. Жуковский
А. А. Игнатьев
В. И. Качалов
Константин Коровин
Борис Лавренев
А. В. Луначарский
Лев Лунц
А. С. Макаренко
Н. Д. Мордвинов
Е. К. Мравина
Н. П. Охлопков
Каролина Павлова
Борис Пастернак
А. С. Пушкин
Игорь Северянин
К. С. Станиславский
А. Т. Твардовский
Вера Фигнер
Эрнест Хемингуэй
Н. П. Хмелев
Марина Цветаева
Михаил Чехов
Евгений Шварц
О. Ю. Шмидт

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1982

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА СССР

Выпуск 4

РЕДАККОЛЛЕГИЯ:

И. Л. АНДРОНИКОВ

Н. Б. ВОЛКОВА (ответственный редактор)

К. Н. КИРИЛЕНКО

Ю. А. КРАСОВСКИЙ

В 4603010102—083 заказное изд. — доп.
М-105(03)82